

МАТЕРИАЛЫ. ДИСКУССИИ

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС
Вильнюсский университет

**Диалектологическое путешествие
по южнорусским говорам от Рязани до Орегона,
или
заметки заинтересованного слушателя**

Касаткина Р.Ф. (ред.), *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие*. Авторы: Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, А.М. Красовицкий, Д.М. Савинов, Е.В. Щигель. Москва: Наука, 1999. 207 с. ISBN 5-02-011591-6.

Первый выпуск звучащей хрестоматии *Русские народные говоры*, посвященный севернорусским говорам, был издан Кр. Саппоком (Бохум) и Л. Бондарко (Санкт-Петербург) в 1991 г. Настоящее издание, осуществленное при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, по структуре наследует первый выпуск, но значительно превосходит его по объему звучащего материала и глубине анализа зафиксированных фактов, не говоря уже о типографском качестве.

Во Введении к рецензируемой книге ее читатель и слушатель кассет получит всю необходимую информацию о самом издании, принципах отбора публикуемых записей, принятой транскрипции и структуре комментариев к звучащим текстам. Важным моментом здесь является то, что “в хрестоматии представлены основные единицы диалектного членения южнорусского наречия в соответствии с диалектным членением К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (1970)” [с. 6]; кстати, эта классификация русских говоров принята и в ДАРЯ. Кроме того, в *Хрестоматии* имеется раздел “с текстами, записанными авторами от старообрядцев, говорящих на южнорусских диалектах

и переехавших в начале 60-х годов из Турции. Часть их переселилась в Россию, в Ставропольский край (это преимущественно так называемые “некрасовцы”), другая часть — по преимуществу “дунайцы” — переселилась в Соединенные Штаты Америки, в штат Орегон, где обе ветви переселенцев известны под названием “турчан” [с. 8] (тексты 49–51). Следует подчеркнуть, что тексты 45–48 записаны в говорах среднего и нижнего Подонья, которые находятся вне территории ДАРЯ, и, следовательно, не обследовались по Программе Атласа. Один из самых больших по объему текстов — 49 (7'37" звучания), записанный от бывших казаков-некрасовцев, — представляет, по мнению авторов, особую *Донскую группу* южного наречия [с. 181], не выделяемую в ДАРЯ; по всей видимости, эта группа находится на территории *диссимильативного яканья донского типа*, очерченной на “Диалектологической карте южновеликорусских говоров” в *Очерках русской диалектологии* Р.И. Аванесова [1949].

Далее во Введении следует довольно экспрессивный пассаж “О вариативности в диалектной речи” [с. 8–10], отчасти повторяющий положения аналогичного раздела в первом выпуске. Здесь подчеркивается, что традиционный, наиболее архаичный вариант каждого из говоров считается его наиболее репрезентативным вариантом [с. 10]. В скрытом виде также проводится идея, что вариативность в реализации тех или иных явлений может быть не просто особенностью того или иного идиолекта, но являться важной характеристикой говора в целом. На конкретных фактах это положение демонстрируется в комментариях. Поскольку вариативность диалектной речи во многих случаях все же обусловлена именно влиянием литературного языка, то казалось бы весьма полезным присутствие в *Хрестоматии* сведений об уровне образованности (а не только о годе рождения) и других существенных фактах языковой биографии информаторов. Если составители не располагали такого рода сведениями (что не исключено), это также необходимо было отметить в комментариях.

В создании *Хрестоматии* участвовали опытные и многоопытные диалектологи. Благодаря их усилиям мы можем теперь послушать звучание речи носителей говоров, родившихся еще в XIX веке: самый старший из них — 1877 г. рождения (текст 44); двое родились в 80-х годах — 1883 и 1887 (тексты 30 и 38); двое — в 1890 г. (тексты 7, 26); остальные — в 90-х годах (тексты 2, 6, 9, 33, 34, 37, 39, 40, 45). Уже одно это делает *Хрестоматию* замечательным памятником русской диалектологической литературы.

Публикуемые магнитофонные записи были сделаны диалектологами разных поколений, причем самая старшая из них (1954 г., 6) “принадлежит микрофону” С.С. Высотского, а многие выполнены в 60-х гг. такими известными учеными, как С.В. Бромлей (9, 41), А.М. Кузнецова (7, 15), И.А. Оссовецкий (33, 34), Л.Л. Касаткин (42), Ю.С. Азарх (38), Т.Ю. Строганова (2, 3). Можно без особого преувеличения сказать, что *Хрестоматия* является подлинно коллективным трудом, который создавался на протяжении последних почти что пятидесяти лет усилиями целого поколения диалектологов. Это никак не умаляет заслуг авторов-издателей; я думаю, коллеги будут им благодарны за создание *Хрестоматии* и за то, что они сами выполнили и обработали для нее множество интересных записей.

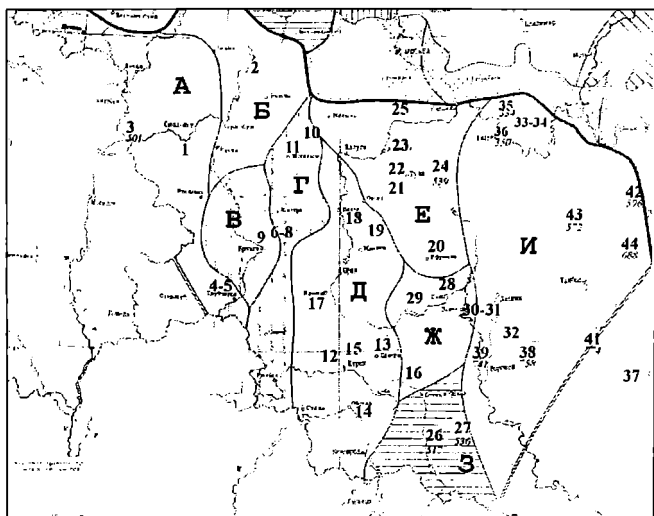
Среди этих записей особый интерес представляют образцы речи русских старообрядцев с удивительными историческими судьбами. Некоторые особенности их говоров были уже описаны Р.Ф. Касаткиной и Л.Л. Касаткиным [1998], теперь же читатель *Хрестоматии* сам получает возможность услышать “звуки странной речи” и оценить труд диалектологов, запечатлевших ее для науки. Кажется просто невероятным, что старообрядцы вообще сохранили родной язык, проживая более двухсот пятидесяти лет в абсолютном отрыве от сородичей, и не может не удивлять, в какой степени они его сохранили.

О репрезентативности материалов Хрестоматии

Прежде всего, данная *Хрестоматия*, как и предшествующее издание материалов по севернорусским говорам, лишь в малой части представляет богатейшую *Фонотеку русских народных говоров*, собранную в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской АН, фонотеку, которая давно уже стала национальным памятником культуры. Очень хотелось бы надеяться, что публикация ее материалов не прекратится на данном издании, а станет традицией и одним из самых важных направлений деятельности всех русских диалектологов-фонетистов.

Далее, тексты *Хрестоматии* представляют огромный регион южнорусских говоров. Даже человеку, немало поездившему и побродившему по центральной России, не всегда легко по памяти восстановить взаимное расположение областей этого региона, а тем более сориентироваться без карты, какой (под)раздел южнорусских говоров репрезентирует тот или иной текст. Иными словами, без соответствующей карты диалектологическое путешествие по южнорусским

говорам кажется весьма затруднительным, поэтому я счел необходимым приложить такую карту к данным заметкам, надеясь, что она окажется полезной для заинтересованных читателей.

Условные обозначения
Группы и подгруппы южнорусских
говоров (по [ДАРЯ I 1986]):

А западная	межзональные говоры типа "Б":
Б верхнеднепровская	Е тульская группа
В верхнедеснинская	Ж ливно-елецкие говоры
Г межзональные говоры типа "А"	З оскольские говоры
	И восточная (рязанская) группа

Цифрами (типа 17) указано местонахождение населенного пункта, в котором был записан соответствующий текст *Хрестоматии*; прописные цифры под этими номерами обозначают пункты ДАРЯ.

Карта 1. География текстов *Звучащей Хрестоматии* на территории южнорусских говоров на "Диалектологической карте русского языка", приложенной к работе [Захарова, Орлова 1970]. Местонахождение населенных пунктов "вычислялось" с точностью до района по данным, опубликованным в [ДАРЯ III].

Наконец, *Хрестоматия* обращает внимание диалектологов на говоры, лежащие за пределами карт ДАРЯ, расширяя и обогащая тем самым проблематику современной русской диалектологии. Особый

интерес, как уже говорилось, представляют образцы речи русских старообрядцев, публикация которых должна побудить и других исследователей русского зарубежного старообрядчества предпринять все усилия для ее фиксации и изучения.

В то же время неоднородность материалов *Хрестоматии* с точки зрения узкого специалиста по русской диалектологии, заинтересованного получить как можно больше звучащих материалов по материковым говорам (охваченных сеткой пунктов, обследованных по программе ДАРЯ) может рассматриваться и как ее определенный недостаток.

И, наконец, самое главное: для читателя очень важно как можно быстрее понять, в какой степени публикуемые отрывки текстов отражают особенности соответствующих говоров. С одной стороны, можно не сомневаться, что авторы стремились к тому, чтобы тексты *Хрестоматии* были как можно более аутентичными и репрезентативными в данном отношении. Но работа бы только выиграла, если бы в комментариях, при описании наиболее важных явлений, содержались отсылки к картам ДАРЯ (как это сделано по отношению к некоторым явлениям в Заключении [с. 194–197]) или таким фундаментальным фонетическим работам, как описание типов переднеязычных согласных А.М. Кузнецовой.

О качестве записей

Качество магнитофонных записей на кассетах можно оценить по шкале от “очень средних” до “очень плохих”. Самая худшая запись — текст 6, лучшую назвать трудно. Осциллограммы записей вполне удовлетворительны для наблюдений над особенностями сегментной структуры звуков, их длительностью, что важно для изучения реализации безударных в различных позициях, но ни одна из записей непригодна для спектрального анализа. В этом отношении *Хрестоматия* далеко не реализует тех возможностей современной профессиональной техники, которая позволяет даже в полевых условиях получить высококачественные записи.

В принципе, удивляться этому нечего. Записи 60–80-х гг. выполнены на виниловой пленке, с использованием бытовой аппаратуры, т.е. плохих магнитофонов и плохих микрофонов. Это отчасти относится и к моим записям в Тульской области, включенных в *Хрестоматию*, которые хоть и были сделаны на профессиональном репортерском магнитофоне, но с использованием бытового микрофона. Другая техника была в то время недоступной или ее невозможно было использовать в полевых условиях. Но записи 90-х годов, несомненно, могли бы быть лучшими.

В этой ситуации создатели “звучащего приложения” к *Хрестоматии* Д.М. Савинов и Е.В. Щигель могли поступить двояко. Первое, они могли просто скопировать записи оригиналов, не редактируя их. Во-вторых, они могли отредактировать оригиналы, сделав их максимально качественными. Очевидно, был избран первый способ представления материалов, и вся забота об их дальнейшем редактировании переложена на потребителя.

Мне кажется, прослушивание кассет на магнитофоне во многих случаях ставит слушателя в прямую зависимость от транскрибированного текста, в котором расшифрованы даже такие отрезки речи, где можно услышать все, что хочешь, или, что то же самое, не услышать, что же действительно произнес информатор.

Мне, например, для того, чтобы получить удовлетворительное звучание всех текстов, понадобилась всего неделя работы, в ходе которой в каждой записи было убрано “шипение” (hissing, background noise), большинство записей пришлось профильтровать, многие усиливать целиком или частями. Теперь я располагаю CD дисками с материалами, которые, по крайней мере, не раздражают при прослушивании и позволяют с большей уверенностью соотнести результаты аудирования с тем, что услышали авторы опубликованной транскрипции этих текстов.

Не думаю, однако, что записи, скопированные с CD на кассеты после этой обработки, будут полностью пригодны для прослушивания на магнитофоне. Лучше всего воспользоваться специальными компьютерными программами, которые могут сделать звучащие материалы *Хрестоматии* почти полностью доступными для аудирования.

Но все же публикация любых магнитофонных записей — это намного лучше, чем публикация просто транскрибированного текста без звукового сопровождения. Всего в рецензируемой *Хрестоматии* 51 текст, из которых одиннадцать — почти пятая часть — неозвучены (кстати, на обороте кассеты 2 при перечислении номеров записанных текстов пропущен текст 37). Вполне понятно, что для их издания потребовалась бы еще одна кассета. Может быть, образцы старообрядческих говоров — да и казацких говоров Ростовской и Волгоградской областей — следовало бы опубликовать отдельно? Не знаю, как рассуждали авторы, но, по моему мнению, *Хрестоматия* только бы выиграла, если бы неозвученных текстов в ней не было вообще.

Особенности транскрипции и комментарии

Авторы *Хрестоматии* проделали огромную работу по расшифровке магнитофонных записей, которая, в силу указанных выше причин,

не была простой. Они подчеркивают, что “для объективизации полученных данных привлекалась компьютерная техника — программы, позволяющие проверить слуховые впечатления с помощью акустических параметров” [с. 14]. Желательно было бы только указать, какие программы использовались, и, кроме того, остается неясным, проводилось ли прослушивание сначала просто на слух и только затем трудные моменты просматривались на компьютере, или же через компьютер “прогонялся” весь текст. У меня сложилось устойчивое впечатление, что был избран первый вариант, в противном случае можно было бы избежать множества недоразумений, о которых далее.

Сам факт применения упрощенной транскрипции (принципы которой раскрыты в первом выпуске *Хрестоматии* 1991 г.) свидетельствует о том, что она имеет прежде всего предварительный характер, помогая слушателю понять *смысл* текста, узнать слова, и конечно же, познакомиться с важнейшими особенностями соответствующих говоров.

Реально, однако, транскрипция во многих случаях является далеко не упрощенной, поскольку авторы отметили целый ряд явлений, для обозначения которых понадобились дополнительные знаки. Фонетическое значение абсолютного большинства знаков поясняется в комментариях, и трудности возникают только с поиском этих объяснений. Так, в детальной транскрипции текстов 50 и 51 использованы знаки [с з], фонетическая значимость которых описана на с. 69 (в комментариях к тексту 12). Для меня так и осталось загадкой, где раскрывается, например, значение знака [d] [с. 147]. Если соответствующие знаки имеют то же значение, что и в транскрипции IPA, то это также нелишним было бы оговорить.

Мне кажется, к будущим изданиям нужно обязательно составлять приложение с индексами употребления редких и очень редких знаков. Ведь их использование само по себе сигнализирует о специфике того или иного говора, кроме того, такие индексы значительно бы облегчили работу с *Хрестоматией*. Например, в них содержалась бы информация, для каких говоров характерно *l*-среднее, а читателю данного выпуска придется проделать немалую работу для того, чтобы “выудить” эту информацию, и т.д.

В принципе, в *Хрестоматии* используются две системы транскрипции — упрощенная для текстов, и детальная (научная) — в комментариях к ним. Сложность соотнесения комментариев и упрощенной транскрипции в том, что очень нелегко разыскивать каждый отдельный пример в тексте. Чтобы снять эти трудности, кажется совершенно необходимым пронумеровать строчки текста (обозначив соответствующей

цифрой каждую третью или пятую строчку), а в комментариях указывать номера строчек, из которых приводятся примеры.

В работах по русской диалектологии при описании особенностей тех или иных звуков обычно указывается их аудитивное подобие кардинальным звукотипам или отличие от них, а также аудитивная степень выраженности того или иного качества, т.е. описания являются *импрессивно-аудитивными*. Авторы комментариев довольно решительно ломают эту традицию и чаще оперируют артикуляционными терминами, что является несомненным прогрессом в диалектологической фонетике.

Большинство знаков транскрипции сами по себе несут информацию о том классе звуков, к которым они принадлежат. Так, в данной работе указывается, что в одном из говоров “на месте /c/, /z/, /c’/, /z’/ обычно произносятся апикальные гингвальные согласные, при артикуляции которых щель образована кончиком языка и основанием верхних зубов и альвеолами” [с. 69], и обозначаются они с помощью знаков [ç], [ž], [ç’], [ž’]. Очевидно, описываемые звуки *по звучанию* в чем-то близки обычным (дорсальным) [c], [z], [c’], [z’] литературной речи, а в чем-то отличаются от них. Полагаю, что в таких случаях было бы уместным импрессивно-акустическое дополнение к их характеристике. Это особенно необходимо тогда, когда описываются действительно необычные для литературной речи звуки типа двухфокусного губно-заднеязычного [ɣ^h] [с. 19], плоскощелевого [β] [с. 55].

Наконец, некоторые замечания по поводу тех или иных звуков нуждаются в уточнении и конкретизации. Так, на с. 32 (в комментарии к тексту 5) указывается, что “твердые переднеязычные *t, d, c, z, n* на слух производят впечатление апико-альвеолярных” согласных; возникают вопросы: на чем основано это слуховое впечатление или, что то же самое, на какие особенности их звучания я должен ориентироваться, если я захочу самостоятельно убедиться в этом?; чем они отличаются по звучанию от апикально-гингвально/альвеолярных, обозначаемых точкой под соответствующими знаками?

В ряде случаев такая характеристика является просто необходимой. Например, в южнорусских говорах отмечен апико-альвеолярный звук [ʎ] [с. 103, 129] с указанием, что он представляет собой “*l*-среднее”, т.е. среднеевропейское. Однако по звучанию это [ʎ] значительно отличается от кардинального среднеевропейского [ʎ] и при его характеристике было бы уместным замечание о том, что этот апико-альвеолярный твердый невелиаризованный звук является близким по звучанию к “темному” варианту *l*-среднеевропейского.

В других случаях, наоборот, явно требуется артикуляционная характеристика, как, напр., при указаниях на наличие в говоре твердых “шепелявых” [с^ш, з^ж] [с. 39, 86], “полумягкого” [ч] и др.

Комментарии — это почти самостоятельное сочинение в *Хрестоматии*, представляющее собой оригинальное введение в фонетику южнорусских говоров. Причем это не просто и не только традиционная фонетика ДАРЯ, но в целом ряде отношений — новая фонетика, ставшая возможной только при наличии магнитофонных записей и компьютерных способов их прослушивания и анализа. На основании наблюдений, изложенных в комментариях, теперь можно составлять новые специальные программы для дообследования отдельных говоров, выяснения территории распространения тех или иных явлений, особенностей реализации тех или иных систем безударного и ударного вокализма и т.д.

В то же время содержание комментариев и цитируемые в них примеры из текстов, как будет показано далее, оказались во многом зависимыми от первичной, упрощенной транскрипции. Кроме того, в них отразились и некоторые общие установки и традиционные трактовки, характерные для русской диалектологии вообще. Читатель и слушатель, располагая материалами данной *Хрестоматии*, может, не вставая из-за письменного стола, совершать диалектологические путешествия из одного уголка южной России в другой, сравнивая и сопоставляя географически далеко отстоящие друг от друга говоры, получая тем самым уникальную возможность и понять традиционные фонетические описания, и подискутировать с авторами *Хрестоматии*.

Дискуссия по частным вопросам

1. При внимательном прослушивании звучащих текстов и параллельном чтении первичной, упрощенной транскрипции текстов создается впечатление, что эта транскрипция является самым слабым местом *Хрестоматии*. Как уже говорилось, ее основное назначение состоит в том, чтобы сделать тексты максимально понятными, и это очень актуальная задача, поскольку в некоторых случаях из-за своеобразия говора их приходится просто переводить на литературный язык (как, например, текст 8, с. 42–43). Но для этой цели упрощенная транскрипция является во многих случаях слишком сложной, детализованной, загруженной дополнительными знаками (скобками, знаками долготы и под.). В то же время, если авторы были заинтересованы в более точном представлении фонетических особенностей звучащих тестов, они все равно были вынуждены прибегать к детальной фонетической транскрипции, т.е. упрощенная транскрипция для этой цели

действительно является слишком упрощенной (текст 8, с. 44–45; текст 12, с. 63–66; текст 36, с. 145 и др.; кстати, в оглавлении не указывается, какие тексты приводятся в обоих вариантах транскрипции и какие из них переведены на литературный язык, что кажется существенным техническим недостатком оформления книги).

Далее, для диалектологов — носителей русского языка — упрощенная транскрипция действительно является достаточно удобной и обеспечивает понимание текста. Для студентов она будет уже во многих случаях малопонятной, а для неносителей русского языка, даже специалистов-русистов высокой квалификации, многие отрезки останутся совершенно непонятными.

Ситуация, как видим, действительно непростая, и в настоящее время вряд ли можно предложить удовлетворяющее всех решение. Если аналогичную хрестоматию придется готовить и мне, то, учитывая опыт московских коллег, я, скорее всего, дам текст в упрощенной и детальной транскрипции (с указанием движений основного тона), расположив его в две колонки, и перевод текста на литературный язык — под этими колонками (набрав его петитом). Но будет ли это оптимальным решением рассматриваемой проблемы — не знаю.

2. Конечно, о знаках транскрипции, как и о терминах, не спорят, но кажется анахронизмом использовать буквы *ять* и *омега* для обозначения фонем средневысокого подъема переднего и заднего ряда соответственно (/ʲ/ и /ω/). Как подчеркивают авторы, они в данном случае следуют определенной традиции [с. 12]. Но очевидно, что для большинства читателей эти знаки имеют важный диахронический смысл, и использование их даже в упрощенной транскрипции для обозначения соответствующих фонем, во-первых, не способствует ее понятности, а во-вторых, воспринимается просто как нежелательное смешение синхронического и диахронического подходов при интерпретации современных фактов. Кроме того, при чтении этих знаков возникают чисто технические трудности. Например, как прочитать слово *ъра* [с. 12] — как *ера* с *е*-узким без начального [й], или как *йера*?

3. В *Хрестоматии* одинаковым образом затранскрибированы как четко произнесенные отрезки речи, так и “темные”, т.е. произнесенные очень тихо (часто вообще еле слышно), неясно, скороговоркой. В то же время совершенно очевидно, что фонетическое содержание “темных” отрезков зачастую просто реконструируется по значению разобранных или предполагаемых слов; мне представляется совершенно необходимым выделять эти отрезки особым шрифтом или обязательно сигнализировать их другими способами.

Кроме того, в транскрипции часто проставлены знаки ударения различного рода фонетических клитиках, к числу которых относятся местоимения, и на других словах, произнесенных слитно с последующим или предшествующим словом. В большинстве случаев знак ударения на словах, утративших ударение, можно рассматривать как сигнал сохранения качества гласного в парадигматически ударном слоге; в некоторых случаях, однако, парадигматически ударный гласный в клитиках реализуется как подлинно безударный, и тогда указание на парадигматическое ударение становится ошибкой транскрипции (см. далее).

5. В транскрибированных текстах довольно много спорных моментов, которые иногда можно квалифицировать как *неточности*, иногда как *непоследовательности*, и нередко — как *ошибки*. Довольно часто тот или иной спорный момент транскрипции невозможно с уверенностью квалифицировать как первое, второе или третье, но в любом случае это отражается на содержании и качестве комментариев.

Мне не хочется создать впечатление, что этих спорных моментов очень много, выкапывая наугад те или иные случаи из разных текстов. В рамках рецензии невозможно также остановиться на всех моментах, которые кажутся или действительно являются спорными. Работая с *Хрестоматией*, я перебрал несколько возможных вариантов ее рецензирования, и ни один из них не показался мне удовлетворительным — в том числе и тот, на котором я остановился.

Дискуссия по очень специальным вопросам

Получилось так, что, отрабатывая методы очистки, мне пришлось довольно много заниматься некачественным в техническом отношении текстом № 1, записанным в д. Шаталово Починковского района Смоленской области. В конце концов я и решил избрать именно его для подробного анализа. Понимаю, что рецензия в виде анализа некоторых весьма специальных явлений фонетики этого смоленского говора (очень важных и интересных для рецензента) — это не совсем рецензия. Понимаю также, что особенности транскрипции и комментирования авторами *Хрестоматии* именно этого текста только в малой степени отражают ее особенности в целом — и очень прошу читателя постоянно иметь это в виду.

Тем не менее, как мне кажется, и при таком явно одностороннем подходе к рецензированию все-таки можно будет составить некоторое общее представление о тех проблемах, с которыми может столкнуться заинтересованный слушатель и читатель *Хрестоматии*.

Реликты заударного оканья?

Примеры, на основании которых “можно усмотреть элементы сохранения оканья в акающем говоре” [с. 19], затранскрибированы, как кажется, неточно, и более правильной является транскрипция, следующая после стрелки [→]: *мáчохю* → *мáчэхэ^ою*; *двóйэ трéтьтэүэ ужэ* → *двóйэ трéтьтэүо_ўжэ^{м*}*

В первом из них оба заударных являются очень краткими гласными, тембр первого из них модифицирован под влиянием окружения — твердого [ч] и заднеязычного [х] — но не до степени [о], а второй несколько лабиализируется перед [у] последнего слога. Эффект лабиализации редуцированных безударных под влиянием губных авторами отмечен неоднократно — и в этом говоре, и в других говорах. Кстати, слово /спьсать/ ‘спасать’ в этом тексте звучит как *спѳсать*, но было бы неосмотрительным трактовать его как проявление гипероканья.

В двух других (из цитируемых выше) примерах *ѳ* является просто ошибкой и не услышана выразительная лабиализованность конечного редуцированного под влиянием последующего [ў]. Таким образом, во всех этих примерах *о*-качество безударных является следствием ассимилятивного воздействия соседних гласных. Закономерности этой ассимиляции не совсем ясны, поскольку она не наблюдается, например, в сочетании *з нѳваүэ үѳду*, где слабый [ѳ], казалось бы, должен приобрести *о*-оттенок.

С другой стороны, авторы не отметили еще два примера “заударного оканья” такого типа: на стыке слов ‘время’ и ‘войны’ в сочетании *ва ўрэмй^о_вайны́* (не /ва врѳмя вайны́/), т.е. редуцированный гласный конечного слога несколько лабиализируется перед последующим [w] (или [ѳ] — здесь неясно); а также на стыке слов в сочетании *с адѳнэцэтэ^о үѳду* ← *с адѳнэцэтэүа үѳду* (здесь это явление не так заметно, как в других случаях).

*Рефлекс *ъ или фонема /ъ/?*

В тексте затранскрибировано /дали переадѳтца/ (→ *дáли пириадѳ^чцэ*); поскольку, согласно общим установкам авторов, знак ятя имеет фонематическое значение (см. выше), то эту транскрипцию следует рассматривать как указание на то, что в данном говоре имеется соответствующая *фонема*. В комментариях к тексту, однако, подчер-

* Здесь и в дальнейшем: авторская транскрипция приводится, как и в *Хрестоматии*, прямым шрифтом, наша — курсивом; полужирным шрифтом выделены спорные моменты как в цитатах из *Хрестоматии*, так и предлагаемая их интерпретация; отсутствие знаков ударения на некоторых словах в нашей транскрипции является сигналом безударного характера соответствующих слогов.

квивается, что под ударением здесь “различается 5 гласных фонем” и то, что здесь отмечен только *рефлекс *ъ* [с. 17]. Таким образом, использование в транскрипции знака *ъ* оказывается двусмысленным еще в одном отношении, кроме указанного выше.

Кстати, в слове ‘нету’ (/здарóвъя вжэ нѣту/ → здарóўя ўжэ нѣту) информатор произнесла отчетливое *ѣ*-закрытое, не отмеченное в транскрипции.

*E < *A?*

Предположение о таком рефлексе сделано на основании слова /сьнѣу/ ‘снял’. Обращает на себя внимание, что это одно из наиболее тихо произнесенных слов во всем тексте, причем оно находится в конце фразы с нисходящей интонацией. При усилении отрезка в четыре раза слышно не то просто [e], не то несколько расширенное [’э], так что предположение о возможном *e < *ε* в этом говоре, сделанное на основании данного примера, кажется весьма спорным. И можно думать, основная причина этой неопределенности — в уверенном транскрибировании авторами неотчетливых отрезков речи.

Особенности яканья

Система яканья в комментариях к тексту описана корректно, и данные говора в общем соотносятся со сведениями карты 8 ДАРЯ [I, 1986] о том, что несколько к югу от Смоленска известны говоры с диссимилативным яканьем жиздринского типа, в которых в слоге перед ударным [á], кроме регулярного [и], возможно также и [e]. Однако нельзя не отметить несколько неточностей при фиксировании особенностей реализации гласных первого предупредного слога в транскрибированном тексте.

Так, в ряде случаев яканье указано там, где его нет, например: ня бѹду ўварить → нѣ буду ў^ваить с вторичным ударением на частице *не*; ня умрѣш → *не* умрѣш; двяярѣй → *двѣ*рѣй четко и ясно; на мянѣ → *нэ* менѣ; мауу тябѣ → *мауу* тебе; у бярэзьничку → *у* берѣзьничку. Наличие [e] перед последующим [é]-ударным ставит под сомнение “чистоту” модели жиздринского яканья в этом говоре и побуждает авторов в таких случаях “усмотреть ассимиляцию ударному гласному” [с. 18], т.е. элементы сингармонизма гласных среднего подъема. И приведенные факты, и их трактовка в *Хрестоматии* заслуживают особого внимания диалектологов.

В других случаях ясно произнесенные [и] в транскрибированном тексте отмечены как [e], ср: без яу^вó → *бизь* яуó; сечас трóху → *сичас* трóху; и сечас → *и* сичас; а сечас wo → *а* сичас wo; нечóу я бóльшы не

знаю → *ничо́у э бо́льшы ни ^и зна́ю*; лежа́w → *лижа́ў*; преба́вили → *приба́вили*.

Последнее тем более досадно, что действительно [e] произнесено в позиции перед ударным [á] в слове /держáла/ и, более того, также перед ударным [ú] в слове /емú/, что является не банальным фактом, поскольку, как кажется, возможность сохранения предупредного [e] в последней позиции в модели жиздринского диссимилятивного яканья не предполагается.

*О реализации *e в слабых безударных слогах*

Проблема возможного сохранения [e] в слабых заударных слогах в комментариях к данному тексту отмечается вскользь [с. 19], однако в самой транскрипции таких случаев достаточно много и абсолютное большинство их, как в позиции после твердых, так и после мягких согласных, представляет собой артефакты, например: ма́чэха → *ма́чыха*; бо́льшэ в а́рмию → *бо́льшь ў а́рмию* ‘бóльший в армию (пошел)’; шчэтава́дэм → *шчъ^итава́дэм*; wы́шэw еты → *wыш^иэ^иэты^и* ‘вышел этот’; непы́нэты́ → *нипы́нэты́*; се́мьдэсэ́т → *се́мьдэсэ́т* (со вторичным ударением на -сэ́т); г де́верю → *г де́вирю*.

С другой стороны, звучание ф Шэ^ита́лэвэ ‘в Шаталове’ со слабым вторичным ударением передано как /ф Шэ́та́лэви/.

Сочетание /будеж де́лэты́/ ‘будешь делать’ произнесено дважды, хотя и тихо, но достаточно внятно; похоже, заударный гласный в слове ‘будешь’ имеет е-качество, но следует иметь ввиду, что это слово здесь все безударное, а за ним следует ударный [é], и, следовательно, сохранение тембра [e] в этой слабой позиции может быть следствием его ассимилятивного воздействия.

Наиболее ясно заударное [e] прозвучало в слове ‘проведен’ в сочетании /быw правэ́ден/ → *быў правэ́дён*, сказанном тихо; обращает внимание на себя и то, что это [é] находится здесь в слоге после ударного [é], т.е. и в данном случае можно усмотреть элемент межслоговой ассимиляции гласных (сингармонизма) по ряду.

Об особенностях реализации фонемы /w/

Согласно картам 56–58 ДАРЯ [I, 1986], рассматриваемый смоленский говор, образец которого представлен в тексте 1, лежит в зоне распространения звука ў-неслогового (< *w в позиции перед согласными и в конце слова). В *Хрестоматии* знак ў не используется (принципиально?), а для обозначения “звонкого губно-губного круглощелевого спиранта” [с. 13] использован знак w. Фонетическое различие между [ў] и [w] очевидно — первый является “полугласным” (неслоговым

гласным), второй представляет собой шумный согласный (по некоторым свойствам близкий к сонантам). Если авторы *Хрестоматии* в неявном виде считают оба эти звука представителем одной фонемы, и в упрощенной транскрипции принята и отражена такая трактовка, то следующие далее замечания не имеют особого значения.

Если же авторы настаивают на том, что предварительная транскрипция является в основном и преимущественно (кроме использования знака *ять*) фонетической, то при соотнесении текста 1 с его звучанием возникает необходимость существенных правок в транскрипции.

Так, в конце слов (в конце фразы и перед согласными) и перед гласными внутри слова информатор произносит не [w], а именно [y̯], например: *стаў* (← став), *касануў* (← касануw) 'косанул' (*однокр.* от 'косить'), *я ўсё* (← я wсё), *этыў пашоў* (← этый пашоw), *уадоў* ^{можэ} (*двѣцѣть*) (← уадоw можэ двѣцѣть), *здароўя ўжэ нѣту* (← здароўя^{можэ} нѣту), *няўмоч* (← няwмоч). В одном случае [y̯] в конце слова прозвучало даже перед последующим гласным: *wыш-эты* (← wышэw ты). Предлог *в* перед согласными звучит или как [y]: *у Ёльню* (← w Ёльню); *у ўрэжданскую* (← w ўрэжданскую), либо реализуется как [ɸ]: *ɸ Шэталэвэ* (← ɸ Шэтэлэви), *ɸ сасэдняй*. Только в одном отрезке информатор произнесла [ɸ] вместо обычных [y̯], ср.: *ɸсё хатэɸ-ɸсёш. думьоў* (← /ɸсё хатэw, ɸсё таки/). В сочетании *думэў к сваім* (← думэw к сваім) на конечное именно [y̯] в первом слове указывает последующий глухой [к], поскольку [w] в данной позиции должно было бы оглушиться.

За некоторыми исключениями авторами *Хрестоматии* верно отмечено произношение [w] перед гласными [o], [y] и [ы], например, /у дрóвы, карóву, на wўтра бис карóвы, мужукóвы/ (но *живу* → *жы-иу*). Однако в позиции перед [a], вопреки транскрипции, информатор довольно последовательно произносит губно-зубное [ɶ] (не билабиальное [w]), например: *два* (← dwa); *дэwали* (← дэwали), *пэд вакнóм*, *пэд вакнó* (← /пэд вакнóм, пэд вакнó/), *пирижывáй* (дважды) (← пирижывáй). Можно согласиться с тем, что в ряде случаев трудно с уверенностью сказать, какой звук — [ɶ] или [w] произносится в данной позиции, но это зависит уже от качества записи.

Интересно также отметить, что в звучащем тексте дважды зафиксировано довольно редкое явление смоленских говоров, которое П.А. Расторгуев наблюдал в середине слов, а именно, произношение [w] (вместо возможного [ɶ]) после [y̯] [1960, 71]: *пришоў wазьмі* (← пришоw wазьмі), *сеў-áлинки* (подшивать) (← sew wáлинки).

Наконец, перед [e], [u] в говоре произносится палатализованное губно-зубное [eʲ], что верно передается в транскрипции, за исключением нескольких случаев, например, /ён увесь у краʲвѣ/ ← ён увесь у краўі.

Об особенностях реализации шипящих согласных

В рассматриваемом говоре согласные [ш] и [ж], как это верно отмечено в транскрипции, обычно произносятся твердо. В то же время в некоторых случаях после твердых [ш] и [ж] прозвучало не [ы], а либо выразительное [и], либо звук, который можно охарактеризовать как “более переднее [ы]” или “более заднее [и]”. К числу первых относятся очень выразительные примеры *тэкáя мяя й жысь* ← *тэкáя мяя и жысь*; *жысьть слаж-ыла*“ся ← *жысьть слажыльыся*; *Бóу уряш-ыть* ← *Бóуэ уряшыть*. К числу вторых: *уряш-ыть* ← *уряшыть*, *усю жысь* ← *усю жысь*. Конечно, данная особенность произношения могла не передаваться в упрощенной транскрипции “по соглашению”, но тогда это необходимо было оговорить.

О фонеме /ч/ в комментариях сказано, что в данном говоре она реализуется преимущественно в твердой или полумягкой шипящей аффрикате” [с. 20]. В транскрипции “полумягкость” не отмечается, и потому непонятно, следует ли, например, слова /но́чкую, сту́чи́ца но́чкую/ читать с мягким или полумягким [ч] (ведь транскрипция указывает просто на мягкость). Кроме этого, нигде не определяется, что такое полумягкость с артикуляционной точки зрения.

Особый звук [yʷ]?

Авторы *Хрестоматии* полагают, что “характерной чертой консонантизма говора является спорадическое произношение двухфокусного губно-заднеязычного согласного на месте заднеязычного y” [с. 19]. Ни в приводимых ими примерах, ни в других случаях мне ничего подобного не удалось услышать ни в оригинальной (на кассете), ни в очищенной записи. На осциллограммах не видно ожидаемой неоднородности этих звуков. Таким образом, утверждение о спорадическом произношении звука [yʷ] в данном говоре мне кажется очень спорным.

Просто неточности

Кажется целесообразным перечислить отдельные неточности транскрипции, не всегда важные для характеристики говора в целом, но все же значительно снижающие ее качество: (два) брата → *браты*; (замуж) зыйсла → *зыйшла* ‘вышла замуж’; *никóуэ нету* → *никóу нету*; *калхóз* → *кал’óс* (спорадическое озвончение [х]); *wsё дэх сэма́* →

уся́дых са́ма́ (отрезок неверно сегментирован на слова); *пра́дэла́ каро́ву* → *п^рдэла́ каро́ву*; *дярю́и бы́ли* → *дярю́и бы́ли* (ударение на последнем слоге трудно услышать, так как слова были произнесены очень тихо); *пири́дйли* → *пире́^ддйли* 'переделели'; *штэны́ лья́ныи* → *штэны́ льяны́йэ* 'льняные штаны'; *сича́с ышшэ́* → *сича́с ышчэ́*; *таг үэварэ́ть* → *таг үэвары́ть*.

Особенно неприятная ошибка сделана при транскрибировании сочетания /эту уса́дбу (о)браба́тэва́ть/, где в последнем слове отмечено [а] перед последующим ударным [а́], как при сильном аканьи, в то время как это слово четко звучит как *браба́тэва́ть* (с относительно долгим предупредительным [э]), как это и должно быть в говоре с последовательным диссимилятивным аканьем.

Заключение

Завершая анализ текста I и рецензию в целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что избранный нами способ рецензирования не является оптимальным для характеристики всего издания. Надеюсь, что обсуждение некоторых спорных моментов, составляющее основное содержание данных заметок, привлечет внимание специалистов-фонетистов и будет способствовать дальнейшему исследованию фонетики русских говоров. Ведь следует иметь в виду, что вне зависимости от трактовок тех или иных явлений, принятых авторами, *Хрестоматия является ценнейшим источником* для исследователей-диалектологов, и сам я надеюсь сделать не одну работу с использованием ее материалов.

Кроме того, эта *Хрестоматия* вместе с предшествующим выпуском, посвященным севернорусским говорам, представляют собой уникальное учебное пособие по русской диалектологии не только для студентов-филологов, но и для преподавателей истории русского языка и диалектологии — особенно зарубежных, которые в большинстве случаев не имели и не имеют возможности участвовать в работе диалектологических экспедиций, а тем более — побывать в самых отдаленных уголках огромной диалектной России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И., 1949: *Очерки русской диалектологии*. Москва.
ДАРЯ I 1986 = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР)*. Карты. В трех выпусках, вып. 1: *Фонетика*. Москва.
ДАРЯ III = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России*. В трех выпусках, вып.

III: *Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат.* Москва, 1996.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г., 1970: *Диалектное членение русского языка.* Москва.

Касаткина Р.Ф. (ред.), 1991: *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия*, ч. 1: *Севернорусские говоры.* Составили Ю.С. Азарх, Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель. Институт Русского языка АН СССР — Seminar für Slavistik RUB. Москва–Бохум. (Бюллетень Фонетического фонда русского языка. Приложение 1.)

Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л., 1998: *Неразличение свистящих и шипящих согласных в языке русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон.* *Slavistica Vilnensis.* 1997: *История. Язык. Культура: Сборник статей, посвященный шестидесятилетию профессора Валерия Николаевича Чекмонаса.* 138–152. (*Kalbotyra*, 46(2).)

Расторгуев П.А., 1960: *Говоры на территории Смоленщины.* Москва.

E-mail: cekm@post.omnitel.net

Март 2000 г.